

Полковник Гуров

Николай Леонов

Неслабое звено

«Научная книга»

2004

Леонов Н. И.

Неслабое звено / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
2004 — (Полковник Гуров)

Церковный сторож убит, бесценная икона похищена, а того, кто это сделал, — убрали. Вот так полковник Гуров, извольте начинать дело с нуля. Правда, есть кое-какие улики, но слишком уж явно указывают они на одного очень влиятельного человека. Раз игру предлагают, надо в нее играть, решает Гуров, только правила ее надо чуть изменить, от этого она станет намного опасней, зато интересней. Все предусмотрел Гуров, но не учел степени опасности. А то, что она очень высока, выяснилось, когда они с полковником Крячко попали под прицельный огонь очень неслабого стрелка...

© Леонов Н. И., 2004

© Научная книга, 2004

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай ЛЕОНОВ, Алексей МАКЕЕВ

Неслабое звено

Пролог

Старший оперуполномоченный Главного управления уголовного розыска МВД РФ полковник Лев Иванович Гуров стоял у окна своей квартиры и тихонько барабанил пальцами по стеклу, насвистывая при этом что-то из репертуара «Deep Purple». Фальшивил чуточку, но для себя – не страшно. Строгий музыкальный критик – его жена, Мария Строева – возилась на кухне над очередным кулинарным шедевром и потому музицирование мужа слышать не могла. А значит, и осудить не могла тоже.

Мария была популярной, можно даже сказать, очень известной, актрисой одного из московских театров. Когда у мужа и жены такие профессии, как в этой семье, супруги не так уж часто бывают вместе дома. Оба они – и Мария, и Лев – очень ценили эти часы. Далеко не каждый воскресный полдень Гуров проводил дома, но вот сегодня повезло.

Дело, которым он занимался сейчас, не требовало – пока не требовало! – двухсуточного сидения в засаде, лихих погонь и перестрелок – словом, ничего «романтического». Такая романтика в его нелегкой службе случалась, и чаще, чем хотелось бы, но полковник Гуров ее откровенно недолюбливал, считая брачком в работе. Если у сыщика мозги не куриные, он и не паля направо – налево, не тратя казенные патроны, которые, заметим, денег стоят, добьется результата. Лев Иванович, как правило, добивался.

Конечно, мысли о деле, которое сейчас ведешь, по заказу не выдержишь – попробуйте «не думать о белой обезьяне». Но был у Гурова свой фирменный прием, виртуозно освоенный им за тридцать лет оперативной работы: он умел волевым усилием загонять такие мысли в подсознание – пусть отлежатся. А значит, можно спокойно постоять у окошка, подумать о чем-нибудь приятном. Например, о том, что до Нового года – самого любимого их с Марией праздника – осталось чуть больше двух недель.

За окошком шел легкий декабрьский снежок. Зима окончательно вступила в свои права, завершилась наконец-то столь нелюбимая Львом слякотная гнилая пора поздней московской осени. Зима лучше: она честнее, определеннее. Молодой чистый снег, еще не успевший нахватать автомобильной грязи и копоты, скрыл выбоины асфальта, мерзлую опавшую листву, подернутые тонким ледком лужи. Чисто и опрятно, как будто в городе провели генеральную уборку.

В прихожей мелодично мяукнул звонок, и Гуров пошел открывать, заранее радуясь человеку, стоящему сейчас за входной дверью. Около полутора часов назад ему, предупреждая о визите, позвонил «друг и соратник» – Станислав Васильевич Крячко, Стасик, он, как и Гуров, – старший оперуполномоченный и полковник, к тому же на текущий момент гуровский заместитель.

Левое плечо Станислава, с помощью Гурова стаскивавшего модную японскую куртку, было перекошено и значительно толще правого. Оно понятно – гипс, знаете ли... Около месяца тому назад пуля, выпущенная одной сволочью, перебила ему ключицу. Сволочи повезло меньше: после прицельного выстрела из гуровского «Штайра» ей уже никогда не понадобятся услуги медиков. Гуров и Крячко не в первый раз вместе побывали под пулями бандитов, а это очень способствует крепкой мужской дружбе.

Из спецгоспиталя МВД РФ Станислава выписали три дня назад. Именно это он захотел отметить с Гуровым и Марией, людьми, ближе которых у него, пожалуй, никого и не было. Вот только даже заикаться о немедленном возвращении в любимый, до пятнышка на линолеуме

знакомый служебный кабинет, который Крячко делил с Гуровым, медики ему запретили по крайней мере до Рождества.

– Стасик! – Мария, выбежавшая на звонок из кухни, радостно чмокнула Крячко в щеку. – Какой ты молодец, что выбрался к нам! Ой, розы какие красивые! Вот спасибо-то!

– Что красота цветов пред красотой прекрасной панны! – продекламировал Крячко, приобнимая ее здоровой рукой за плечи.

Станислав, больше в шутку, конечно, гордился своим польско-литовским происхождением от боковой линии то ли Потоцких, то ли Вишневецких, что было хорошо известно в управлении и служило поводом к дружеским подначкам.

– Мальчики, проходите в комнату. А я... Десять минут еще, и все готово. Ты бы, Стасик, чуть пораньше предупредил, что ли! Еле успела... Лев, организуй там тарелки, рюмки фужеры и прочие причиндалы. Стасика не эксплуатируй, у него ручка болит, у бедненького!

Ждать пришлось не десять минут, а все полчаса – надо же женщине дать время и переодеться! Пролетели они незаметно: друзьям было о чем поговорить, а бывало и о чем помолчать, что есть самый верный признак настоящей дружбы.

В конце этого полчаса Гуров пристально поглядел на «друга и соратника», хитро улыбнулся и спросил:

– Пан Крячко, скажите мне, как оперативник оперативнику: вы рисовать умеете? Что вы говорите... Я тоже. А как ты вообще относишься к живописи?

* * *

Николай Иванович Воробьев плотно задернул тяжелые шторы на двух окошках длинной, похожей на пенал комнаты, которую он громко называл своей «студией». Комнату эту он снимал в коммуналке на Маросейке вот уже более пяти лет. Конечно, назвать ее настоящей художественной студией язык не поворачивался: ни света толком нет, ни простора, кухня черт-те где – через длиннющий коридор, а мало ли зачем живописцу может вдруг понадобится вода? Отопление дохленькое, вот сейчас и морозов настоящих еще не было, а руки уже мерзнут! А как живописцу работать, как творить, если у него мерзнут руки?!

Зато близко от дома, он пешком за пятнадцать минут доходит, и плата по нынешним временам символическая. А так... Николай Иванович горестно покачал крупной головой с остриженными «в кружок» густыми седыми волосами. «Студия»... Ясное дело – не то что у Ромки Мурзлина или там Доржанского, инородцев этих, космополитов, прости, господи! Им-то все на блюде с голубой каемочкой: и заказы как из рога изобилия, и выставки персональные. Его же, Воробьева (с самим собой чего лукавить да скромничать – единственного настоящего русского художника Москвы, а то и всей России) затирают, перекрывают кислород!

Николай Иванович включил электричество: он не любил писать при естественном освещении, считая эту нелюбовь особенностью своей творческой манеры. Да и какое, к шуту, может быть естественное от двух окошек в конце декабря? Все было готово к работе: кисти, краски, мастихин, шпатели... Но какое же из трех полотен, над которыми он трудится сейчас, выбрать? Конечно, не «Гладиолусы в хрустальной вазе». Холодный натюрморт, к тому же заказной... Этому, Набокову. Чучмеку. Успеется. Не настолько он нуждается в деньгах. Сейчас уже совсем не нуждается. И не «Сгоревший храм». Просто не то настроение.

Настроение было желчным, горьким. Жалкий вид «студии» снова и снова возвращал его к тысячу раз передуманным мыслям о завистниках, халтурщиках, бездарных конъюнктурных мазилах, расплодившихся на трупе русской национальной живописи подобно отвратительным гробовым червям и вконец изгадивших, уронивших в грязь звание Художника. Они-то?! Это он, Воробьев – Художник!

Настоящий творец любое движение души, любой эмоциональный настрой – все пускает в дело. Кстати, и сам при этом освобождается от сердечной тяжести. Значит, что же? Значит, поработаем над «Самками с потомством»...

Николай Иванович повернул лицевой стороной к себе небольшой – метр на полтора – холст, тщательно подрегулировал, подправил свет, падающий от двух мощных, со специальными рассеивателями ламп. Затем шага на два отошел от недописанной картины и, склонив голову чуть набок, стал внимательно вглядываться в свою работу – что же у него уже получилось?

...На холсте был детально прописанный кусок речного или, может быть, морского берега, пляж. Солнце в зените – видно, что жарко и душно. Лето, июль – август. Много серого, тусклого цвета. Желтовато-серый пыльный песок, подступающая к урезу берега явно нечистая, сероватого оттенка вода. Выжженное летнее белесое небо, чахлые серо-зеленые кустики, разбросанные по пространству пляжа. А под кустиками, между ними, в тени сереньких же кабинок для переодевания, около воды и в воде – люди.

Слюняво-сопливые, непрерывно визжащие детеныши с мерзкой розовой, обгоревшей на солнце кожей. Рядом толстожопые бабуси и мамыши этих недожертв аборта. У мамаш потные ляжки и подмышки, а на рожах – лиц у них нет! – выражение спесивой тупости. Мужчин на картине не видно. Но главное – этот режущий уши пороссячий визг ублюдков, неважно, чем вызванный – радостью, испугом, возмущением... Удалось ведь! Слышен он из глубины холста, еще как слышен!

Николай Иванович довольно усмехнулся. Нет, правда получается! Именно то, к чему он стремился в этой работе. Человек по природе своей омерзителен – и внешне, и внутренне. Но его детеныши... Трудно вообразить себе что-либо гаже! Возьмите для сравнения котенка, щенка, жеребенка, да хоть бы крысенка в конце концов. Какую угодно зверушку. Уже через несколько минут после рождения, стоит матери облизать его, сколько мы видим неподдельного очарования у этих божьих созданий, даже слепых еще и глухих.

Он упорно, сосредоточенно работал до позднего вечера. Но вот за тоненькой стеной, в соседней комнате коммуналки, у отставника Потапова раздались характерные звуки телевизионной заставки «Вести-плюс». Одиннадцать – пора домой.

Нет, не совсем. Он еще не выполнил добровольно принятый на себя обет: каждый день дописывать по десять новых строк в свою поэму «Русь – тонущий корабль». Тем более такая хорошая рифма за работой над холстом в голову пришла: «Русь – гусь»... Главное, свежая! Он – это он. Не Мурзлин какой-нибудь безродный. Как настоящий творец и верный сын своего народа, Николай Иванович будет бороться с нечистью не только своей кистью, но и пером. Уже почти две тысячи строк, разве это мало?!

Воробьев бережно достал из покосившейся тумбочки орехового дерева ученическую общую тетрадь – еще тех, советских лет, выпуска. Без гадких рисунков на обложке. Открыл ее и одним духом дописал сегодняшнюю порцию своим четким, разборчивым почерком. Вот теперь – все.

Выйдя на улицу, Николай Иванович тщательно поправил под седой, коротко стриженной окладистой бородой теплый шарф. Шапку он не носил никогда, даже в жестокие морозы, но горло берег. Не каждому дан от природы такой глубокий, с бархатными обертонами бас. А возраст есть возраст, пятьдесят восьмой пошел, не грех и побережься. Пусть мальчишки вроде Доржанского гусарят да богемничают. Он, Воробьев, нужен своему страдающему Отечеству!

...Уже совсем перед самым домом как бы соткалась перед его мысленным взором из белых струек поземки несказанной гнусности рожа. И не в первый ведь раз за последнее время – слишком много он работает, слишком много нервничает! Рожи-то разные, но сегодня... Особенно противно было сходство поганой хари с Ильюшей Сукалевым.

– Бездарь ты, Коля! – пакостно ухмыльнулась вражеская рожа. – Фарисей, лицемер и мерзавец каких поискать! Вот полюбуйся на меня. Что, не хочешь? Отворачиваешься? Не вы-ы-ыдет! Вот тебе еще рифмочка на разживу: «гусь – обсерусь». Нравится?

ГЛАВА 1

Вопрос о живописи «друга и соратника» слегка озадачил; правда, ненадолго. В глазах Станислава вспыхнули хорошо знакомые Гурову озорные искорки:

– Безумно люблю живопись! Просто тащусь от нее, как судак по асфальту. Особенно от всемирно известной картины Репина «Приплыли!»

– Нет у Ильи Ефимовича такой картины, – подала реплику Мария, как раз входящая в комнату с большим подносом.

– А то он не знает! Что, ты с Крячко первый день знакома, что ли, – рассмеялся Гуров, – его же хлебом не корми – дай похохмить!

Было такое дело. В частности, и за эту особенность характера, за веселый нрав, любовь к розыгрышам, дружеским шуткам и беззлобным подначкам Станислава так любили в управлении.

– Мальчики, я вас прошу – о работе вашей ни слова! Даром я, что ли, – Мария комично-патетическим, преувеличенно «актерским» жестом воздела руки к потолку, – биточки по-венгерски готовила и салат твой любимый, а, Стасик?

– «Дары осени»? М-рр-р! – довольно проворчал гость. – Лева, а знаменитой настойки на горном чабреце не осталось?

– Как не осталось, когда Бутягин наемни банку трехлитровую прислал с оказией! Сейчас Маша принесет графинчик, – улыбнулся Лев. – И велено от него передать нижайший поклон героическому Василичу с пожеланием скорейшего выздоровления!

– Чудный старик, – растроганно заметил Станислав, вспоминая события прошлого месяца.

– Он, когда мы со Львом провожали его, – Мария выставила на стол хрустальный графин с изумрудно-зеленой жидкостью, – знаешь, что сказал? «Чтобы наступающий год, – говорит, – был для нас всех счастливым, а для бандитов – последним!»

– Вот за это и выпить не грех, – весело расхохотался Крячко.

...Через три часа сытые, довольные и в благодушнейшем настроении, сыщики сидели друг напротив друга в уютных креслах у низенького журнального столика. Мария, извинившись, покинула их общество с четверть часа назад: ей надо было немного отдохнуть и побыть одной, чтобы настроиться на сегодняшний вечерний спектакль – она играла в нем главную роль. Станислав вытащил из кармана пачку сигарет, раскрыл ее и протянул Гурову. Тот, секунду поколебавшись, отрицательно покачал головой.

У каждого из нас есть свои маленькие безобидные «пунктики». Гуров курил редко, обычно – когда сильно волновался, радовался или огорчался, хоть в благотворную способность никотина «нервы успокаивать» не верил ни на грош. В отличие, кстати, от Крячко, свято в этой ереси уверенного. Самое же любопытное, что Лев, отличающийся профессионально цепкой и прекрасно тренированной памятью, постоянно забывал купить и положить в карман «дежурную» пачку любимого Camel и, когда припирало, стрелял сигареты у безотказного Станислава, нарываясь на его ехидные комментарии. Тянулось это так давно, что превратилось у друзей в своего рода обычай, шуточную традицию.

– Ну а теперь, – медленно произнес «друг и соратник», закуривая свою сигарету, – давай, колись. Что это ты моими художественными познаниями озаботился?

– Если бы просто художественными, – вздохнул Гуров, – а то похлеще: меня, понимаешь ли, иконопись интересует!

– С точки зрения нашей с тобой любимой профессии? Что ты на старости лет в монастырь надумал податься и готовишься таким манером, я все едино не поверю!

– Правильно сделаешь. Все проще. Сiju я в нашем с тобой кабинете пять дней назад, скучаю в одиночестве и занимаюсь мелкой рутинной. Подчищаю документальные хвостики по славоярскому дельцу, параллельно готовлю лекцию из курса «Тактика оперативной работы» – заставляют с молодежью опытом делиться, хотя, ей-богу, не рановато ли меня в теоретики записывать? Но это к слову. Итак, скучаю. Но тут раздается робкий стук в дверь, и в кабинет заходит Петр Николаевич Орлов.

– Робкий, говоришь? – широко улыбнулся Крячко. – Да уж, он у господина генерала робкий, как поцелуй гимназистки... Равно как и он сам – просто мимоза натуральная! Но намек я понял – Петр в нашу нору просто так не заглядывает.

– Именно. И при взгляде на смущенную физиономию начальства меня начинают охватывать...

– Всякие скверные предчувствия, – закончил фразу Станислав.

– Во-во. Где ты только ума набрался. И, что интересно, Петр немедленно начинает их оправдывать.

Петром они называли Петра Николаевича Орлова, генерал-лейтенанта МВД РФ, своего непосредственного начальника и близкого друга. В глаза и тот, и другой тоже обращались к генералу «на ты»: конечно, без посторонних – при третьих лицах субординация считалась свято. Никакой фамильярностью тут не пахло, напротив – чувствовалось самое неподдельное уважение прекрасных сыскарей к своему брату оперативнику, неважно, что в генеральских погонах. Просто эти трое людей так давно, так хорошо знали друг друга, настолько друг другу верили, такого варева вместе нахлебались досыта, что соблюдать тонкости служебного этикета показалось бы им попросту глупым.

Орлов был из тех крепких профессионалов, которые прошли систему с самой, как принято говорить в милиции, «земли» до верхних эшелонов. Именно такие на всех своих постах, на всех должностях тянули тяжелый воз, не давали ему скатиться на обочину. В душе он остался сыщиком, и мышление у него было, по словам Станислава Крячко, не административное, а оперативное.

И при этом в нем начисто отсутствовала ревнивая зависть уболенного сединой ветерана к молодым, а тем более снисходительное к ним отношение. Нет! Только желание что-то подсказать, где-то подправить, подстраховать... Но умел Орлов это свое желание вовремя подавить для пользы дела, довериться уму и опыту своих гвардейцев. И ведь не ошибался!

И Гурова, и Крячко Петр Николаевич не только числил в друзьях, но и считал своей лейб-гвардией, преторианцами. Не без оснований. Такая высокая оценка имела ту оборотную сторону, что дела Станиславу и Льву доставались в работу штучные, особенные; на рутинные хватало – хоть не всегда, ох, не всегда – других сотрудников: старательных, толковых, грамотных, но без той печати редкостного таланта, который и позволяет людям достичь в своем деле вершин. В управлении такая «особость», элитность тандема Лев Гуров – Станислав Крячко ни для кого секретом не была, но зависти не вызывала. Во-первых – чему завидовать? Тому, что самая головомомная работа, самые сложные, часто опасные оперативные заморочки неизменно сваливаются на головы двух друзей? Так далеко не всем такая «барская милость» по вкусу! А во-вторых, была у Гурова излюбленная присказка для тех редких случаев, когда начинал Лев чувствовать непонимание их «привилегированного положения» со стороны некоторых молодых оперов: «Не разбегайся, прыгай!» Прояви, дружок, себя в деле, покажи себя асом сыскной работы – и будут тебе наши со Станиславом «привилегии» по полной программе.

– Значит, говоришь, Верочку озадачивать ее непосредственной работой не стал, а лично, – Крячко сделал подчеркивающий последнее слово плавный жест здоровой рукой, – в наш с тобой уютный уголок? Ну-ну...

Верочкой звали очаровательную секретаршу Петра Николаевича, немного и чисто платонически во Льва влюбленную. А несколько нестандартная реакция друзей на вроде бы самую

банальнейшую вещь – зашел начальник к подчиненному в кабинет – объяснялась просто. Когда люди так долго работают вместе, да при этом еще прекрасно друг к другу относятся, у них вырабатывается что-то вроде «телепатического контакта». Никакой мистики здесь нет, а есть сложившиеся ритуалы встреч, приветствий, прощаний, тех или иных специфических словечек – словом, тончайшая сеть общения, узелки которой сознательно уже не ощущаются. Плюс также подсознательно воспринимаемые и анализируемые оттенки голоса, походки, жестов... да хоть бы дыхания! Что-то подобное можно видеть у немолодых, сжившихся и счастливых супружеских пар. Да если еще перемножить это на профессиональную цепкую наблюдательность... Ясно, что можно хоть в цирке с психологическими этюдами в стиле Вольфа Мессинга выступать, если, как иногда говаривал в раздражении Петр Николаевич Орлов, «нас всех троих из органов попрут. За тупость и профнепригодность!»

И так уж сложилось, что если пообщаться со своими гвардейцами генерал Орлов собирался по поводу достаточно обычному – скажем, обсудить текучку, рабочие моменты дела, то вызывала Гурова, Крячко или обоих сразу к Петру в кабинет та самая очаровательная Верочка по «внутришке». Если же повод был не совсем обычный, чаще всего малопривлекательный и связанный с заморочками, генерал звонил друзьям самостоятельно. Ну, а если он лично посещал их рабочее место – значит, произошло что-то экстраординарное, запахло жареным. Римские полководцы в таких ситуациях говорили: «Дошел черед и до триариев!»

Кстати, в тех редких случаях, когда Орлов давал им разнос – за годы совместной работы пришлось-таки ему несколько раз прибегнуть к такой воспитательной мере! – он предпочитал действовать вообще вне стен управления. Если погода позволяла – на лавочке в скверике перед своим домом. По странному совпадению все разносы приходились на весну – лето, а то Гурову даже интересно становилось: куда бы потащил их Петр сейчас, например? В кабак, не иначе...

– Так вот, – продолжил свой рассказ Гуров, – присаживается Петр на твой, кстати сказать, стул и с недовольным видом запускает руку в правый карман кителя, где у него леденцы эти пресловутые хранятся. С еще более пасмурной миной достает конфетку и начинает ее посасывать, только носом этак ностальгически потягивает.

– Еще бы, – Крячко повертел в пальцах дымящуюся сигарету, – меня-то в кабинете нет, а потому даже не накурено! Бедняга Орлов!

Петр Николаевич Орлов был курильщиком с почти сорокалетним стажем, причем сигарет, даже крепких отечественных, не признавал принципиально, считая их баловством, – он раз и навсегда остановил свой выбор на «Беломорканале» ленинградской фабрики Урицкого. И вот лет пять назад врачи запретили ему курение, да настолько категорично, что пришлось бросать вьевшуюся привычку. С тех пор и таскал генерал с собой в кармане форменного кителя пакетик с леденцами омерзительного, по гуровскому мнению, вкуса. Зная о танталовых муках начальника, и Гуров, и Крячко старались в присутствии Петра не дымить, хотя тот часто сам просил друзей об этом, «ностальгически» втягивая табачный дымок.

– Словом, не буду мучительством заниматься, – улыбнулся Лев. – Ты же от любопытства сейчас закипишь, как чайник. Есть на Маросейке, рядом со станцией метро «Китай-город», церковь Сошествия Святого Духа... И вот из этой церкви была украдена редкая старинная икона – Богоматерь Одигитрия, особого тверского письма и аж пятнадцатого века. Мало того: преступник – или преступники – убили церковного сторожа, хотя, возможно, и неумышленно, в борьбе – экспертиза показала, что тот проломил висок, падая и ударившись о металлический ящик со свечами и прочей ходовой церковной утварью.

* * *

... Тогда, в ту проклятую ночь, только строгие и печальные глаза иконописных ликов могли видеть в слабом свете немногочисленных свечей и неугасимых лампад дикое непотреб-

ство, творимое двумя людьми в Богородичном приделе Духосошестввенской церкви. Двое, хрипя, катались по полу храма, оскверняя мерзким сквернословием его стены, привыкшие к торжественным, прекрасным византийским песнопениям, таинственному, сакральному церковнославянскому языку.

Они вскочили одновременно, тяжело дыша и глядя друг на друга с дикой ненавистью.

– Нет, зар-р-раза!! Никуда ты не уйдешь! Святокрад, анафема!

– Останови, попробуй. – В голосе второго звучали отчаянные, истерические нотки. – Не подходи-и-и! Убью-ю!

Затем они сцепились вновь и вдруг, поскользнувшись на гладком церковном полу, так вдвоем и рухнули, переворачивая высокий семисвечник прямо на свечной ящик. Поднялся, пошатываясь, только один. Он нагнулся над лежащим, попытался повернуть тому голову вверх, затем попробовал приподнять его. Но тут же почувствовал липкую теплоту на своих ладонях, отшатнулся в ужасе и в том же неясном, дрожащем свете лампад вдруг увидел, что руки его черны от крови.

Дикий, отчаянный, нечеловеческий крик раздался в пустой церкви. Вот так, наверное, кричат демоны в глубинах ада.

* * *

...Случилось это десять дней назад, и поначалу расследование этого печального, но по нашим временам не столь уж исключительного и вопиющего факта в сферу интересов главного управления не попало. Но почти сразу же рутинная, вообще говоря, церковная кража и не менее рутинное убийство стали обрастать крайне неприятными деталями и особенностями.

– Тут-то Орлов меня и удивил. – Гуров улыбнулся, хотя и несколько печально. – Впрямую, как ты, Станислав, сам понимаешь, не сказал, но из его слов об «оперативной информации» я для себя сделал четкий вывод: осталась у нашего с тобой шефа с тех еще времен своя «внедренка» и очень нехилого уровня. Ты же сам прекрасно знаешь – он и сыщиком был экстра-класса. Да таковым и остался...

– Во-он что... – понимающе протянул Крячко.

Любой чего-нибудь профессионально стоящий сыщик имеет в криминальных кругах нескольких людей, которых в свое время завербовал, сломав на чем-то или, что тоже нередко, «купив» – скажем, переформулировав статью УК на более легкую. Бывает, и нередко, что такие, по блатным понятиям, «суки» занимают в криминальной иерархии довольно высокие места. Вплоть до самых высоких. Информация, которую «сливают» своему хозяину-оперативнику такие «тихушники», или «внедренки», порой бывает просто бесценна. Поэтому их берегут, ибо если в блатной среде станет известно о подобных связях – а порой и подозрения хватает, – то жизнь «внедренки» будет очень недолгой, а смерть – очень мучительной.

Существует неписаный, но строжайшим образом выполняющийся закон – ни методами подобной вербовки, ни способами связи, ни, наконец, информацией о конкретной личности «тихушника» оперативник не делится ни с единым человеком. Включая коллег, лучших друзей и начальников любого ранга.

Само собой, были такие «внедренки» и у Гурова, и у Крячко. Оказывается, имелись они и у Петра Николаевича Орлова, точнее, оставались с тех еще времен, когда генерал сам, лично, занимался оперативной работой. И вот один из них связался с Орловым по собственной инициативе – видимо, была у них на этот счет договоренность, – поскольку посчитал орловский «тихушник» дошедшие до него новости и слухи исключительно важными. А они как раз и касались той самой церковной кражи. И была эта информация такой поганой, что Орлов, поразмыслив малость, решил забирать дело в свои руки – в ведение главного управления.

– Видишь ли, Лев. – В голосе генерала слышалась неподдельная грусть. – Информация, конечно, оперативная и непроверенная, этакое блатное агентство ОБС – это, если не знаешь, одна баба сказала, оно есть шанс, что хоть процентов пятьдесят в этом трепе – правда. А в этом случае мы можем оказаться по уши в... известной субстанции. Такой вселенский хай поднимется, что мало никому не покажется. Но самое смешное, что если кое-какая дрянь начнет-таки сбываться, то дело это все едино, к песьей матери, повесят на нас, горемычных. Просто потому, что наш это уровень и наша пахота. Заметь – тогда все следы подостынут, цемент захряснет и долбить его будет не в пример тяжелее. Знаю, что ты хочешь возразить. Что инициатива наказуема. Согласен. Но здесь как раз то самое исключение, которое из любого правила бывает. Ты уж мне поверь и мою интуицию со счетов не сбрасывай!

Вот уж интуицию – что свою, что генерала – Гуров привык уважать. Весь его профессиональный опыт свидетельствовал: без этой труднообъяснимой, точно не определяемой способности принимать верные решения и просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед при минимуме сведений, данных, улик сыщик мало чего стоит.

Оказалось, что украдена была не одна, а пять икон, но четыре – раньше и без столь печального финала, как с трупом сторожа. Поэтому пропажа их оставалась до последнего времени незамеченной – на соответствующих местах оказались прекрасно выполненные копии, подделки. Эту же, последнюю, копировать не пытались, утащили без всяких сложностей.

– И почему? – поинтересовался Крячко, которого рассказ Гурова интересовывал все больше и больше.

– Вот я у Орлова то же самое спросил.

Выяснилось, что церковь была старинной, построенной еще в XVIII веке по проекту самого Николая Львова. А иконы для нее писал его друг, знаменитый наш российский живописец – портретист Боровиковский. Те самые четыре первых – как раз его работы. Они тоже представляют собой громадную культурную, да и материальную ценность. Но все же не такую, как последняя. Появилась она в ограбленной церкви недавно, менее полугода тому назад, а до того висела в другом московском храме – Ризоположения, что на Донской улице.

– Почему икону переместили из одного храма в другой, не знаю, – пояснил Орлов, – да и не важно нам это. По каким-то внутрицерковным соображениям, которых нам с тобой, Лева, все равно не понять. Но она совершенно особого, как мне эксперты наши объяснили, письма. Они говорят, что знаменитая эта тверская школа своей самобытностью обязана особенным же тверским краскам – «землям», полученным из местных минералов. Они-то и придавали иконам и фрескам ни на что не похожий колорит.

– Понял, – задумчиво отозвался Гуров. – Не больно-то подделаешь. И, самое главное, преступник об этом перемещении узнал. Значит, у него был во внутрицерковной среде сообщник. Или... Или он сам из этой среды.

– Именно, – согласно кивнул генерал. – Причем обрати внимание: из того храма икону красть не пытались, а из этого, по проторенной с иконами Боровиковского дорожке... Значит?

– Сообщник или сам преступник связан как раз с Духосошестввенской церковью. А... С первыми четырьмя? Как обнаружили-то? Что, тоже оперативная информация?

– Она самая, – коротко отозвался Орлов. – Потом проверили наши эксперты плюс параллельно ребята-реставраторы с Большой Ордынки. Ну, и отца Михаила пригласили, он в церкви главный. Все точно.

– Но все равно, Петр, – Гуров пожал плечами в некотором недоумении, – чего-то до меня не доходит – при чем тут мы? История, конечно, поганая, но...

– Это она сейчас поганая, – мрачно сказал Орлов, – а станет архипоганой, если...

Дойдя до этого момента, рассказа Гуров специально сделал паузу, желая подхлестнуть интерес «друга и соратника». И не ошибся, конечно.

– Если что? – жадно поинтересовался Станислав, закуривая очередную сигарету. – Ты меня, Лев, своим пересказом ваших с генералом художественных штудий вконец заинтриговал. Что Орлову еще его «внедренка» напела?

Так вот, по пресловутой оперативной информации выходило, что первые четыре иконы были похищены с целью вульгарной наживы. Скорее всего, они уже проданы вором в частные коллекции; возможно, за рубеж. Хотя и у отечественных новорусских толстосумов подобное «коллекционирование» в большую моду входит. А вот пятую, тверскую, самую ценную и старинную...

Тоже, конечно, сперли не для того, чтобы дома в красный угол поставить и лампаду перед ней возжигать. Для наживы, для перепродажи... Но вопрос – кому? И тут по всему выходило, что очень уж мерзкая личность могла выступить в качестве покупателя иконы. Кто конкретно этот человек, орловский «тихушник» точно не знал. Или не сказал – страх, знаете ли... Ясно было одно – у предполагаемого покупателя громадные деньги и весьма неустойчивая психика. Не просто неустойчивая. Был он, по словам информатора, когда-то клиентом Института Кащенко. Плюс бешеное озлобление к России и православию. Кажется, не русский. С Кавказа. Точно известно, что в живописи вообще и в иконах в частности разбирается великолепно. Скорее всего – сам коллекционер. И тут начиналась полная паранойя. В его планы входило вывезти икону – почитаемую, намоленную, подлинную православную святыню – не то в Чечню, не то в Ингушетию. И там порубить ее топором. Или сжечь. Лично и публично. При большом стечении народа и, почти наверняка, перед телекамерами. Да с соответствующими комментариями: этакое террористическое глумление. Или глумящийся террор. Кому как больше нравится.

Пока речь шла об иконах Боровиковского, над которыми, по крайней мере, никто глумиться не собирался, никакой «оперативной информации» Петр Николаевич Орлов не получал. И впредь не получил бы. Но... Даже среди «ссученных» блатняков не совсем, видать, исчезли страх божий и элементарная совесть. А может, все совсем просто – орловский информатор оказался верующим человеком. По крайней мере, так думал Гуров, понятия не имея, кто конкретно передал генералу сигнал тревоги. Ведь в криминальном мире искренняя вера – это не такая уж редкость. Вот и не выдержал: представил, как будут издеваться над святым образом, – решил экстренно связаться с генералом, хоть до того, скорее всего, молчал годами. Известно ведь, что к «святокрадам» у блатных с досоветских еще времен отношение брезгливое, за настоящих, «правильных» воров их не держат! А уж тем более – такое!

– Ты только представь, Лев, какой это вызовет резонанс! Наши доблестные правоохранительные и так уж только ленивый не полощет на всех перекрестках, – со злой обидой в голосе сказал генерал. – А с таким подарочком все эти шавки из СМИ вовсе из шкуры выпрыгнут! А Президенту каково будет?! А Патриарху?! Национальную православную святыню украли из столичного храма, при этом убив человека, и... топором! Топором по святыне-то! Кроме того, я, знаешь ли, патриотом себя числить привык. Ты, надеюсь, тоже. Словом, нельзя этого допустить!

– Да-а... – протянул Гуров. – Все я понял. Согласен с тобой, Петр. Нельзя. А... Не поздно?

– Надеюсь, что нет. Такие сделки тоже за один-два дня не проворачиваются. И, самое главное, – не было здесь предварительного заказа. Просто эта сволочь узнала по криминальному базару о краже. И заинтересовалась, по слухам. И готова любые бабки платить, пас-куда. Пока еще они с воругой друг на друга качественно выйдут... А недоверие в этой среде – ну, да сам знаешь! Да пока столкнутся... Нет! Мы не опаздываем. И должны опередить!

– А опережать буду я, – мрачно отозвался Гуров.

Подумав при этом: «До чего же неохота связываться с церковью и церковниками... А ведь придется. Корни преступления в этой, а не в какой другой среде. Их и допрашивать, за ними и наружку устанавливать, и все остальные оперативные прелести... С того же отца Миха-

ила, пожалуй, и начиная. А я... До сих пор не знаю, как к ним относиться. И к тому, что они проповедуют».

– До чего же неохота связываться с церковью и церковниками! – досадливо сказал Орлов, который раз вызвав у Льва жутковатое чувство: «Ну что он, мысли мои читает, что ли? Мистика какая-то!»

Они с Орловым прекрасно понимали друг друга – ведь оба сформировались в те времена, когда слово «бог» писать с большой буквы было не просто неприято, а чревато... И отношение к церкви как институту, как организации, у двух этих умных, честных и много чего в жизни повидавших людей было ох каким непростым. Двойственным.

Конечно, профессия Гурова и Орлова была такова, что поневоле задумаешься о чем-то, что выше человека и его разума. Обычная интеллектуальная честность заставляла признать: мир куда сложнее, чем его картинка в учебнике научного атеизма. Но оба старались таким мыслям особого хода не давать.

Иначе как ведь получается? Они и их друзья всю свою жизнь в меру сил боролись с конкретным злом. В любой религии, а уж в христианстве – более чем противодействие злой воле нравственно оправдано! Однако оно не должно переходить ту грань, когда само становится источником нового зла. Но!.. Именно эту грань логически установить невозможно. Тогда, если углубляться в такие проблемы да вечные вопросы, с оперативной работой нужно прощаться. Уходить в монастырь. Иначе сгоришь от угрызений совести, от сомнений – а имел ли ты нравственное право застрелить бандита? А вдруг это большее зло – он ведь, бандит, тоже божье творение. То-то и оно...

Церковь учит, что в рамках наличной – падшей – человеческой природы и природы вещей этого мира надежды на земную любовь, «мир земной» тщетны.

Пожалуй, что в этом была горькая правда. Но внутренне согласиться с ней Лев не мог. Не хотел. Потому как такое согласие обесценило бы все, что он любил, чем жил. Гуров-то как раз дрался за земную любовь, за «мир земной», за то, чтобы крови и грязи стало меньше.

Но как же тяжело бывало иногда... Когда приходило ясное осознание, что все его усилия – да что там его! – а Стасика? а Орлова? а всей их могучей организации да плюс родственников, тоже весьма нехилых контор – как вода в песок! Ладно бы – вода... А то – напололам с кровью!

...Хорошо знал Станислав Васильевич Крячко своего друга, действительно хорошо. Он сразу почуял, что погружается Гуров в какие-то очень невеселые раздумья, что беседу свою с Орловым пересказывает ему уже вполне автоматически. Так, информирует... И о причине догадался Стас тоже сразу, благо ему похожие мысли не раз и не два в буйную головушку сыщика-профессионала приходили.

Потому-то снял Крячко напряг самым простым, верным способом: похлопал Гурова по плечу здоровой рукой, широко улыбнулся и сказал:

– Давай-ка, Лев, еще по одной. А попов я тоже не люблю. И ксендзов, и мулл, и шаманов, и прочих... лам. А также пасторов. Вот бога – люблю. И верю в него. Крест ношу; правда, крещен я, как католик, в белорусском костеле. Бабке спасибо! Только, коль уж потребуется, я сам с ним разберусь. Без передаточных инстанций, приводных ремней со святыми непогрешимыми шестеренками. А то всю дорогу господь у них получается вроде нашего министра или, там, Президента... Правда, вселенского масштаба. Но с того не легче. Так что, раз уж начал мне все это рассказывать, просто изложи, что за эти пять дней успел нарыть. Ведь успел же? А там... Подумаем! Я, знаешь ли, тоже считал, считаю и буду считать себя русским патриотом. Не согласиться ты не мог, хоть, как я понял, официального приказа по управлению Петр еще не издал.

– Хм-м... Не издаст, по крайней мере, в ближайшее время. По моей просьбе. Люблю, понимаешь, в «свободном полете» работать... Официально я добиваю сейчас писанину по сла-

воярскому делу. А ты... Официально – на больничном. – Тут Лев внимательно посмотрел в глаза «друга и соратника».

– Ах, вот даже как! – Из глаз Крячко прямо-таки плеснуло острой хищной радостью. Больше всего на свете любил Станислав свою работу, ему нестерпимо больно было бы сознавать, что вот Лев в деле, да таком, похоже, нестандартном, а он, с жалкой царапиной – подумает, ключицу перебили! – в стороне. – А Петр в курсе таких планов? Санкционировал?

– Не в курсе. Не знает, – улыбнулся Гуров. – И не должен знать. Но догадывается, конечно. Куда же я без тебя, Стасик? Кроме того, тревожит меня один момент, прямо покоя не дает. Связанный с пресловутой орловской оперативной информацией... Потом вернемся к этому, я обмозговываю пока, но предварительный вывод уже сделал. Один не потяну, в помощники годится не просто крутой профессионал, а при том еще человек, которому я доверял бы совершенно как самому себе. То есть ты.

– Ну спасибо! Нет, правда! – Крячко был искренне растроган. – Рассказывай, как собираешься использовать старого раненого боевого коня. Ты же в нашем тандеме признанный мозговой центр, а мы – что... Пострелять, машину поводить... – От ехидства «друг и соратник» удержаться был, естественно, не в силах.

– Начал я, понятное дело, с выяснения вероятного круга фигурантов. То есть с визита к отцу Михаилу. Да, в прошлый четверг была как раз неделя со дня кражи и убийства сторожа, много времени прошло, пес побери. Аккурат на День Конституции, ну да какие у нас праздники... А сам визит, спрашиваешь? Ну... Это было что-то!

ГЛАВА 2

Дверь трехкомнатной квартиры отца Михаила на третьем этаже престижной девятиэтажки на Маросейке – что называется, близко к месту работы – ему открыла такой потрясающей, какой-то не нашей красоты молодая женщина, что полковник Гуров буквально проглотил язык, и только одна мысль взорвалась натуральной ракетой: «Стасика бы сюда! Господина Крячко... Вот уж... В его стиле!»

Высокая, с изумительной фигурой, похожей на песочные часы, полная, но ни в коем случае не толстая брюнетка с пронзительно-зелеными глазами. Никакой косметики. То есть просто – никакой. А зачем такой женщине косметика? И если в столь «откровенной» одежде она открывает дверь в десять утра совершенно незнакомому человеку... Мало ли что по домофону он полковником МВД Гуровым представился! Сейчас документы, даже его, гуровского, уровня, любая тварюга подделает так... Простенько подделает, были бы деньги. Что-то ярко-красное на ней, нет, не кимоно, но похоже... Песья мать, как Орлов выражается, ну здорово же облегает ее эта шмотка! Значит, не боится. А, кстати, почему?

Гурову в голову долбанула, по-другому не скажешь, еще одна, совсем уж дикая мысль: а может быть, он ошибся, может, никакого отношения к отцу Михаилу Бурнову квартира номер пятнадцать и ее обитатели не имели никогда? Кем это прекрасное видение пятидесятидвухлетнему попу приходится может?

Дочкой, кем же еще?! Что немедленно выяснилось.

– Что вы, господин полковник, смотрите на меня, как еврей на свинью в синагоге? – поинтересовалось «прекрасное видение». – Проходите, не стесняйтесь! Я у вас даже документы спрашивать не собираюсь, у вас и так на физиономии принадлежность читается к... Ясно, к кому. И не лень вам по всенародным праздникам вкалывать, а? Учтите, папы с мамой пока дома нет. Это они для всех прочих «батюшка Михаил», «матушка Татьяна». А для меня... Папа с мамой.

– Так вы... – пробормотал несколько смущенный Гуров, раздеваясь в просторной, отлично обставленной прихожей.

– Ага. Александра Бурнова. Можно – Аля. Можно – Саша. Только не полным именем, не люблю я его. Не Пушкин я все же. К вашим, гм! – женщина оглядела Льва откровенно насмешливым взглядом, – услугам. Некрасова Николая Алексеевича в школе проходить доводилось?

– Да вообще-то, – пробормотал совершенно сбитый с толку этим вопросом Гуров, следуя в фарватере своего очаровательного лощмана в залитую рассветным зимним солнцем комнату и присаживаясь в любезно указанное кресло.

– Курите, коли есть такое желание. – Она придвинула поближе к Гурову изящную пепельницу, похоже, кованого железа ручной работы. – Я вот, с вашего разрешения, закурю. А хотя бы... без него. Разрешения то есть.

– Александра Михайловна... В смысле – Аля, то есть – Саша. – Гуров преувеличенно смутился: теперь начал играть и он. Благо практика психологических дуэлей была у Льва... Где там этой красавице! – Но классик-то здесь, уважаемая, с какого боку?

– А, классик, – улыбнулась она, глубоко затянувшись дымом какой-то темной, очень тонкой, ни разу ранее Львом не виданной сигареты, и слишком не понравился Гурову запах этого дымка, – так он в известной поэме «Кому на Руси жить хорошо» так написал: «...мать – попадью степенную // попову дочь безвинную // семинариста всякого // как чувствуете вы?» Вот я и есть «попова дочь безвинная». Похожа?

– Один к одному. А кто же вас виноватит?

– Там посмотрим. Иногда – папа. А может, еще желающие найдутся.

«Правильно, – подумал Лев, – верно все. Первый свой приход батюшка, по моим данным, получил, еще учась в семинарии, в Костроме. А по всем законам и правилам нужна ему была матушка. Белому духовенству в православии иначе нельзя. Нет на Руси целибата. А есть – совсем наоборот. Сначала рукоположили в дьяконы, а там, через месяц, в пресвитеры. Н-да-а! Он моложе меня на пять – шесть лет. Святые угодники! Да у меня могла бы такая доченька быть».

Тут дверь в соседнюю комнату бесшумно раскрылась, и оттуда вышел кот. Поглядев на эту зверюгу, Гуров чуть не икнул от изумления: громадный рыжий в яркую черную тигровую полоску кот – ну не бывает же таких больших домашних, камышовые разве что! – с пронзительно-зелеными глазами. Кот потерся о ногу Гурова с низким, басовитым мурлыканьем. Он был таким крупным, вальяжным и уверенным в себе, таким могучим и самодостаточным, что к нему хотелось обратиться на «вы».

– Вы что, полковник, никогда японского харачу не видели живьем? И на картинке тоже? Так посмотрите. Таких в Москве никак не больше пяти. Его Хант зовут. Хантер, «охотник», если по-английски. Японский харачу. Вот коль я захочу... Он вам сейчас чего-нибудь откусит... Неплохо я классическим ямбом пользуюсь, правда?

Предпоследние три фразы Александра буквально напела. Красиво напела, надо признать... Да и ямб впрямь неплох. Гуров оценил. Он слегка нагнулся, почесал кота-красавца за ухом, под подбородочком». Уж как там откусить, – подумал Лев, – не знаю, навряд ли, но оглохнуть от твоего мурлыканья точно можно. Ишь ты... Как «Тефаль» при закипании! Но это – ладушки. А вот что же ты, красавица, со мной в непонятные игрушки решила поиграть, а? Бутафорию некую куришь, притворяешься, что под серьезной наркотой... Глазки закатываешь... Но я твои глазки вижу. Нехорошие глазки. Лживые. Зачем? Нет, мы, конечно, «поверим». Знала бы ты, милая, сколько раз, а главное – кто! – пытались меня переиграть в эти игры...»

Он рассеянно поглаживал Хантера, когда отворилась еще одна дверь в другую смежную комнату, и вот тут-то у полковника Гурова буквально отвисла челюсть.

Потому что к нему, радостно улыбаясь, шел очаровательный малыш лет четырех. Вот только черный как сапог. Негритенок. Или, как там, если политкорректно? Афроамериканец? Какой, к песьей матери, афроамериканец – негритенок он негритенок и есть.

– Ванюша, – ласково промурлыкала поповна Александра, – поздоровайся с дядей-полковником! Он нашего дедулю дожидается.

– Здравствуй, дядя полковник! – послушно поприветствовало Гурова на обычном русском языке прелестное дитя.

Александра слегка усмехнулась, а взгляд ее, как по волшебству, стал совершенно трезвым и ясным. Не душой была «попова дочь безвинная». Быстро до нее дошло, что тактику поведения надо менять.

– Ну да, это мой сын. Иван. А по отчеству, – она призадумалась, – Хустович, потому как его папу Хусто зовут. Впрочем, может, Диегович. Дьявол его разберет... Дедуля его, Ваньки то есть, подойдет не раньше, чем через час. Так что могу рассказать, чтоб вам ждать моего отца не скучно было, историю роковой любви и Ванюшкиного появления на свет. Ведь любопытно? Да вижу, что любопытно, чего уж там!

История впрямь оказалась забавной. Шесть лет назад тогда совсем еще молодая, оч-чень романтическая поповна, учившаяся на втором курсе филфака МГУ, на одной из студенческих тусовок познакомилась с двухметровым чернокожим красавцем – Хусто Диего и Лос-Гарсия. Кубинцем. Причем, что потом оказалось немаловажным, спецназовцем элитного подразделения кубинской армии – батальона «Фидель». Было ему уже хорошо под тридцать.

В Россию красавец попал по некоей программе обмена среди силовых структур двух стран и совершенствовал свои спецнавыки на базе то ли «Витязя», то ли чего-то сходного.

Ведь что интересно: хоть нестигаемый ленинец Фидель Кастро почем зря полоскал обуржуазившуюся ренегатствующую Россию где и как только можно, спецслужбы и вообще армейские структуры Кубы и России продолжали жить в трогательном единстве да братском согласии. Что еще раз доказывает: политика политикой, но настоящие вояки друг друга всегда поймут. А кубинский спецназ, кстати, общепризнанно считается самым сильным в мире.

Лет десять-пятнадцать тому назад так и проторчал бы Хусто Диего и Лос-Гарсия все полгода своей стажировки за забором воинской части где-нибудь в ближнем подмосковье, но в новые разгильдяйские времена... Словом, встретились наши романтические герои. Хусто неплохо знал русский, хотя все время путал слова «холодильник» и «понедельник», так что проблем с взаимным охмурежем не возникало. Все случившееся в дальнейшем настолько обыденно и банально, что не стоит труда рассказывать об этом подробно.

Меньше чем через год Александра оказалась на острове Свободы в качестве законной жены бравого Хусто Диего. Но, увы, не в Гаване, а на затерянной в предгорьях Сьерры-Маэстро военной базе, где служил супруг. Еще через полгода она родила сына; выдержав тяжелое домашнее сражение, назвала и зарегистрировала по всем правилам его Ваней, а отнюдь не Эрнесто Раулем, как в честь Че Гевары и братца команданте Фиделя требовал счастливый папаша. К тому моменту, когда Ванюше исполнился годик, Александра уже тихо озверела. Еще через год со страшным скандалом, закончившимся привлечением консульства, покинула-таки опротивевший остров Свободы. Вернулась под отеческий кров, прихватив с собой малолетнего Ивана Хусто-Диеговича.

– Понимаете, полковник, что меня добило, – грустно улыбнувшись, заканчивала свой рассказ Александра, – ну ладно, что спал мой законный и благоверный больше в обнимку с автоматом, чем со мной. Привыкла. А почему с автоматом, спрашиваете? Так у них там с янкесами до сей поры что-то вроде необъявленной, вялотекущей войны. Или не с самими янкесами, а с их же кубинцами – эмигрантами из Майами. Мне это как-то без разницы было. Но в месяц раз – или к нам в Сьерру десанты-диверсанты, или мой куда-то таинственно исчезает дня на три, а возвращается такой, что сразу видно: не с рыбалки приперся! Так вот: как-то раз киданули на нашу базу очередных парашютистов. Оттуда, с материка. Или холера знает откуда еще, хоть из Антарктиды, суть не в этом. А километрах в полтора от базы у нас крокодилий питомник расположен. Крокодилов выращивают в болотистом таком пруду, вроде как у нас карпа. Или аллигаторов, я в зоологии плаваю, плохо в школе училась. Их кожа ценится просто обалденно. Но твари зубастые, здоровенные, метра под три-четыре. Видать, не повезло десанту с ветерком, ну вот... Аккурат туда их, болезных, и снесло. Часов пять автоматные очереди слышались, пару раз граната рванула. А потом ти-ихо так стало. Тут-то я решила – хорош! Хватит с меня экзотики и романтики, пора ноги уносить, пока саму не съели...

Гуров от души посмеялся над незадачливыми диверсантами, пошедшими крокодилам на обед, и посочувствовал Александре. Но в голове-то у него постоянно крутилась одна мысль: кто же ты, милая девочка, в действительности есть, почему меня побаиваешься? Нет, скорее всего, к моему теперешнему делу, к иконе, ты отношения не имеешь, но... Что-то с тобой неладно. Вон как линии поведения меняешь! Как это там у классика детской литературы, присяжного гимнописца Сергея Михалкова? «Ведь недаром сторонится милицейского поста//И милиции боится тот, чья совесть нечиста!» Кстати, полнейший сюр по нынешним временам, куда там Пригову с Иртеневым.

...Тут появился, наконец, долгожданный «дедуля», отец Михаил Бурнов. Он оказался внешне очень красивым – вот в кого дочка! – моложаво выглядящим слегка седеющим брюнетом с небольшой, аккуратно подстриженной бородкой. «Конечно, – вспомнил Гуров, – духовенство все-таки. Им без бороды нельзя».

Была в этом человеке такая врожденная, природная элегантность, на которую даже бедность, которой в этом конкретном случае близко не пахло, отпечатка не накладывает. Каза-

лось, подвяджись отец Михаил за неимением брючного ремня веревкой, все решили бы, что он сделал это нарочно.

Познакомились, завязался разговор, которому Гуров изо всех сил старался придать максимально доброжелательный, предельно далекий от допроса оттенок. Этого человека он просто обязан расположить к себе, от его расположения, от его готовности сотрудничать сейчас так многое зависит!

Вроде получалось. Вначале несколько настороженный Бурнов постепенно отмяк, стал приветливее. Видно было, что он не в восторге, что говорить о столь печальных событиях приходится с мирянином, но явно считает, что ему здорово повезло – мирянин, облеченный немалой властью и полномочиями, оказался тактичным, деликатным, просто по-доброму настроенным.

– Поймите меня правильно, отец Михаил, – Лев старался говорить самым доверительным, мягким тоном, – я никого не собираюсь ушучивать, шить какое-то дутое дело. Нет же! Мне нужна истина, и только вы можете сейчас помочь мне ее установить! Равно как только я могу помочь вам: найти ту самую паршивую овцу, которая поганит все стадо. Вы уж поверьте моему профессиональному опыту, совершенно исключено, чтобы преступник был человеком совсем со стороны. Шел, знаете ли, по улице мимо храма, а потом этак, между делом... Такого просто не может быть. Он непременно связан с вашей церковью. Может быть – не напрямую. Но как-то связан, следовательно, мы с вами – союзники.

Бурнов с грустью посмотрел на него:

– Конечно вы правы, Лев Иванович. Но... Поймите и меня. Вы – человек нецерковный, а в строгом понимании этого слова – неверующий, что бы вы на сей счет сами ни думали. Мало того. Вы, господин полковник, – представитель власти. А отношение Церкви ко всякой мирской власти... М-м... Неоднозначно. Увы! Власть земная лишь как исключение являет собой образ небесного совершенства. Бесконечно чаще она «...аки свиния лежит в калу...» отвратительных грехов, отражая, впрочем, лишь грехи и беззакония общества, ее породившего.

– А не корпоративность ли в вас говорит, отец Михаил? – возразил Гуров уже чуть пожестче. – Я поясню. Это как если бы в моем ведомстве случилось схожее несчастье, а разбираться в нем, да еще с правом окончательного решения, прислали бы ну, скажем, архиерея. Не скрою, мне бы такое положение дел весьма не понравилось! Но все это лирика! Человек-то убит, в конце концов. Давайте-ка сначала и поподробнее. Что вы можете сказать о личности убитого? Что это был за человек? Как попал в церковные сторожа? На работу вы его принимали? Или какой порядок у вас на этот счет?

Нет, конечно, сам отец Михаил покойного Григория Каленова на работу не принимал. Хотя санкционировал это около года с небольшим назад. А привела его и, собственно, на эту должность пристроила Муза Григорьевна Сукалева. Сама эта женщина – ктитор, церковный староста. Нет, это не клир. Из прихожан. Выборная должность, на церковном собрании избирается. Но с очень важными функциями: на ктиторе вся забота о церковном быте. Чтобы в храме было чисто. Чтобы было тепло. Чтобы был в достатке елей с лампадным маслом. Чтобы свечи были хорошие, да не втридорога, а по разумной цене. Тесто, опять же, для просфор, да и выпечка на ней. Все такое прочее... Женщина она со сложным, тяжелым даже характером, но глубоко верующая. А уж церкви преданная... Беспредельно!

Относительно самого Григория Каленова отец Михаил толком сказать не мог ничего. Плохо его знал: не такая уж великая фигура – церковный сторож. Сорока с лишним лет, пожалуй, ближе к пятидесяти. Неразговорчивый. Угрюмый, даже мрачный порой. Да, конечно, верующий. Иначе бы его не взяли. Соблюдал посты. Говел, исповедовался, причащался, как положено. Видимо, когда-то сильно пил, но ни в чем таком за этот год замечен не был. Вот и все, пожалуй.

Сам Гуров к такой краткой характеристике покойного сторожа мог бы добавить очень немного, хотя, конечно же, все возможности управления задействовал и информацию получил еще до визита к отцу Михаилу. Благо прописка у Каленова оказалась подлинная. Но была эта информация крайне обезличенная.

И нет ответа на очень важный вопрос: знал сторож преступника? Был с ним в сговоре и погиб, что-то не поделив с убийцей? Если нет, то зачем впустил его в запертый храм?! Ведь никаких следов взлома не обнаружено! А те первые четыре иконы каким таким хитрым образом увели у него из-под носа, да еще копиями подменили? Сплошные загадки...

– Хорошо, – продолжил свои расспросы Гуров, – я правильно понял, что служба в тот вечер, то есть перед ночью преступления, протекала обычным порядком? Меня вот что интересует: с какого времени Каленов остался в церкви один?

– Все верно. Служили всенощную. Я сам служил. Начали, как обычно, в пять часов вечера, а к половине двенадцатого ночи завершили. Пока собрались, переоделись... Еще минут сорок. С половины первого он точно один остался.

Так. По заключению медэкспертов смерть сторожа случилась в промежутке между двумя и четырьмя часами ночи. Вопрос: мог ли преступник спрятаться где-то в самой церкви, переждать час-полтора, а потом...?

– Нет, – достаточно категорично ответил Бурнов, когда Лев ему этот вопрос задал. – Во-первых, народу на службе было немного, все на виду. А во-вторых – где? Не в алтаре же, прости, господи, меня за эти греховные слова! Разве что в трапезной? Но какой смысл ему в трапезной прятаться, если рабочее место для сторожа в ней как раз находится?

«Очень большой смысл, – подумал Лев, – при условии, что сторож в сговоре с преступником. Значит, Каленов был в трапезной? Это интересный момент, нашли-то его труп совсем в другом месте!»

– Ответьте мне, отец Михаил, на очень важный вопрос. Далеко ли от того места, где висела икона, до двери в трапезную?

– Близко, пожалуй что. Икона висела в Богородицыном приделе, почти у Богородицыного алтаря. Близко, – решительно подтвердил Бурнов.

– А как вы думаете: если преступник каким-то образом пробрался в храм незамеченный Каленовым, то, когда он стал икону снимать, мог сторож из трапезной услышать шум?

– Должен был услышать. Не так-то просто ее снять. Да ведь размеры немаленькие, все же метр на метр тридцать. Опять же, вес солидный... Если не спал мертвым сном, – глаза священника округлились, он торопливо перекрестился, – ох, прости, господи, что это я про покойника говорю! Словом, если не спал, то слышал бы. Но как вор мог пробраться незамеченный? Церковь-то заперта! Сторож запирался изнутри, до самого утра.

«Вот то-то и оно, что непонятно, как, – подумал Гуров. – Или приходится предположить, что у преступника был дубликат ключа. Двери у храма две: одна – центральная, двустворчатая, парадный вход, так сказать. Ее открывают во время служб. Она мало того что запирается на мощный ригельный замок, так еще изнутри имеет прочный капитальный засов, который, кстати, был задвинут. Но есть ведь вторая, поменьше и одностворчатая. Она во время богослужения тоже отперта, но не только во время богослужения! Ее еще используют как своего рода служебный вход. Засова там нет, замок попроще – стандартная шведская система. Именно эта дверь оказалась открытой, когда пришедшая рано утром уборщица, обнаружив труп Каленова, вызвала ППС. А ведет она как раз в небольшой закуток, откуда, если повернуть направо, будет трапезная. Если дубликат существует, то это дубликат ключа именно от этой, одностворчатой служебной двери. Тогда сразу возникает вопрос: откуда дубликат? А труп нашли, да, все правильно, именно там. В Богородицыном приделе.

– Когда последний раз меняли церковные замки на главной, а также на той, какая поменьше, дверях, не помните, конечно? Я так и думал. – Гуров кивнул. Помолчал некоторое время. – А кто, по-вашему, мог этим заниматься? Замками. И ключами к ним.

– Кто? Да ктитор, наверное. Я же говорил вам – весь церковный быт на ней. На Сукалевой то есть.

«Вот теперь появилась определенность, – решил Лев, – кто из теплой церковной компании следующий со мной встречается. Итак, Муза Григорьевна Сукалева. Женщина с тяжелым характером. Ну да с нас тоже мед не капает, не привыкать!»

... Дворники уже успели расчистить тротуары и сгрести к обочинам мостовых выпавший за ночь снег, а ночная вьюга вычистила воздух, он стал по-особенному крепок и свеж. Гуров бодро шагал по Маросейке, с наслаждением наполняя легкие этим воздухом. Не пришлось даже возвращаться в управление, чтобы узнать домашний адрес Сукалевой, – покопавшись с минуту в своей записной книжке, его продиктовал ему Бурнов.

Лев любил ходить пешком и, если время позволяло, предпочитал именно такой способ передвижения в любую погоду. Может быть, еще потому, что на ходу Гурову особенно хорошо думалось. Хотя пока материала для анализа было явно недостаточно. Нельзя строить версии на почти пустом месте, это распространеннейшая ошибка молодых сыщиков, своего рода болезнь роста. Пока он толком ничего не узнал, мало того, не очень представлял, откуда брать недостающие кусочки следственной мозаики. Что ж! Посмотрим, что скажет Муза Григорьевна, тем более идти осталось всего ничего. Вон он виднеется, нужный ему дом с продуктовым магазином напротив, как и объяснял Бурнов.

* * *

Даже ко многому привычного, многого навидавшегося полковника Гурова внешность и слова женщины, открывшей ему дверь двухкомнатной квартиры на первом этаже, повергли в легкий шок. «Нет, – подумал Лев, – это я не туда попал. Это Бурнов напутал чего-то. Ничего себе церковный староста, я на японскую гейшу гораздо больше похож...»

Животастая, неопрятная, как бывают неопрятны только старухи. С пухлым задом и грудями. Пахло от нее мокрой тряпкой и вареной рыбой. Под носом топорщились темноватые волосики. В какой-то безумной хламиде, похожей на шерстянную кофту, вязаную на слона. Но хуже всего – глаза. Навыкате, еще увеличенные очками, стопроцентно сумасшедшие, глядящие на Гурова с такой яростной и откровенной ненавистью, что того мороз по коже пробрал.

– Убирайся! Убирайся, тварь, пас-с-скуда! – Затем послышался отборный визгливый мат, особенно мерзостный из уст пожилой женщины. – Не знаю я никаких сучьих полковников! Все врешь, гадина, алкоголик! Ты – его собутыльник, я твою рожу помню и голос тоже! Вот сейчас, сейчас я тебя кипяточ-ч-чком ошпарю! – Тут последовал новый взрыв мата. – Сдохнешь, как мерзавец этот сдох! А чтоб вы все, твар-р-рюги, попередохли!

Она, развернувшись с неожиданной для ее возраста прытью, исчезла в глубине квартиры. Гуров поежился: а ведь правда, притащит сейчас с кухни ковшик кипяточку, да в физиономию... Уж если боялся Лев Иванович Гуров кого на этом свете, так это сумасшедших. Но ситуация требовала прояснения. За кого его принимают? Почему эта агрессия с порога? Наконец, что это за «мерзавец», который «сдох»? Но главное это Сукалева или кто? Опасливо поежившись, он шагнул в темный, провонявший вареной рыбой коридорчик.

– Убью-ю! Ошпарю-ю! – донеслось откуда-то справа – очевидно, из кухни.

Сразу же раздался другой голос, тоже женский:

– Успокойся, Муза! Я тебе говорю, утомонися! Садися вот на стул-то, я сейчас узнаю все да выгоню негодяя-то, греховодника...

«Так. Все ж таки Муза. Значит – Сукалева, нет никакой ошибки, – обреченно подумал Лев. – А я, получается, негодий-греховодник, меня сейчас будут выгонять. Вот влетел-то, спасибо отцу Михаилу! Предупреждать надо о таких своих кадрах...»

На сей раз перед ним предстала высокая, тощая, усохшая, как вобла, старушенция в длинном, наглухо застегнутом черном платье. Ее лицо чем-то неуловимо напоминало мордочку старой, поседевшей морской свинки. Волосы гладко зачесаны. Постно поджатые сухие бесцветные губы и та ханжески-благообразная мина, которой столь отличаются некоторые старые богомолки.

– А ктой-то ты такой-то? – поинтересовалась карга голосом, не предвещавшим ничего доброго. – И чегой-то тебе, голубь, от старушек надоть?

Эта, по крайней мере, не производила впечатления буйнопомешанной, и Гуров ясно, доходчиво объяснил, кто он такой. С тем, что ему «надоть», торопиться не следовало, сперва очень желательно было разобраться, что, собственно, происходит в этом филиале сумасшедшего дома. Гурова начали дергать оч-чень неприятные предчувствия какой-то надвинувшейся поганой заморочки. Конечно же они не замедлили сбыться:

– Полковник милиции, говоришь? А документу покажь, знаем мы таких полковников! Может, ты иродов собутыльник. Его убил, а таперича старушку беззаш-шитную хочешь туды жа отправить, а квартирку-то оттяпать, а? – и тут же, наискось кинув острый взгляд в гуровское удостоверение, старуха заорала противным скрипучим голосом: – Слышь, Григорьевна! Он, стал быть, взаправду милицейский!

– Кто кого убил?! – рявкнул совершенно сбитый всем этим бредом с толку Гуров.

– А ирода проклятого, сынка вот ейного и убили, – громко, на всю квартиру возопила «морская свинка». – Допился, черт окаянный, догулялся! Осиротил мамашу родную...

– Осиротил, злодей, сволочь поганая, ох осироти-и-ил! – с жутковатым подвывом подхватила появившаяся вдруг рядом Сукалева. – Гореть ему, твар-рюге, во аду-у! В переисподней, – вдруг уточнила она совершенно спокойным тоном.

До Льва начало доходить. Так. Похоже, у Музы Григорьевны Сукалевой убили сына. И недавно, потому что ни полслова о таком печальном событии священник, посылая его сюда, не сказал. Не позабыл же?! Значит, не знал. Значит, не успел узнать, не сообщила ему еще об этом его прихожанка. Значит? Вчера, что ли? Нет, ну христианки-то каковы, а? Сплошное милосердие да всепрощение? Или это у них шок так нестандартно проявляется? Э, непохоже! Слишком сильно чувствуется живая, накипевшая злость. Вот такие небось вязанки хвороста в костры еретикам и подкладывали.

– Ее сына убили? Когда? – спросил он, обращаясь к «морской свинке». – Где? Кто расследует дело?

– А вчерась и пристукнули ирода. Драка там была, где он с другими-то алкашами да иродами толкся всю дорогу. Эвона, у детского садика, где поликлиника, напротив двадцатиэтажника нового, с аркой который, – еще сильнее поджав губы, процедила та. – Како-такое «д-е-е-ело»... Нужон он кому! Затаптали попьанке, всего-то «дело-о-ов». С райотдела приходили разве вот, говорят – забирайте хоронить, неча ему теперя в морге-то валяться.

– Мне его хоронить-то не на что, – вновь на всю квартиру взывала Сукалева. – Пусть сами хоронят!

«Вот это здрасте вам... – Мысли Гурова пришли в полнейшую растерянность. И немудрено: тихо-скромно шел побеседовать о вполне мирных вещах вроде дверных замков, а тут... Хм-м! Сраженная горем мамаша... Хорош же гусь был ее покойный сынок, раз заслужил такую нежную материнскую любовь! С другой стороны, – мысленно передернулся Лев, – с такой матушкой многое можно простить человеку, ох, многое. Хотя явно к цвету рода людского убитый кем-то, где-то и за что-то сын Музы Григорьевны не принадлежал. Драка и убийство, если там впрямь умышленное убийство, случились рядом, в одном районе. Надо же, как интересно.

И живут все рядышком, и церковь под боком, и убивают тут же. Что-то мне такая территориальная компактность начинает активно не нравиться: многовато всякой гадости на единицу площади. Но все это означает, что занимается этой пьяной дракой и...чем? неужто впрямь убийством? – райотдел милиции. Куда мне сейчас как раз надо скоренько выдвигаться. Не прошло трех дней с момента кражи иконы и смерти Каленова, а тут в пьяной драке гибнет сын церковного старосты той самой церкви... На совпадение спишем? Ну, господа и дамы, не верю я в такие совпадения. Отучен-с! Срочно в райотдел. Сейчас не до замков с ключами, не до деталей устройства Каленова на работу сторожем. Эту мегеру можно ведь повесткой вызвать, оно и безопасней: в моем кабинете кипяточку нет. Глядишь, успокоится, охолонет немного к тому моменту. Решено: немедленно в райотдел, от них же с управлением свяжусь, если понадобится. Уходим по-английски. Не прощаясь с любезной хозяйкой...»

ГЛАВА 3

Во всенародный там или нет, а в День Конституции районщики не то что отдыхают, а совсем даже наоборот, находятся в повышенной боевой готовности. Как, впрочем, и в остальные праздники.

– Послушайте, господин полковник. – Старший лейтенант, крепкий молодой мужик, представленный Гурову как «Костя, который с этой дрянью возится», смотрел на Льва с тоскливым злобноватым недоумением. – Ну какое тут может быть, к дьяволу, дело?

Старлей не выдержал, фыркнул и, отмахнувшись рукой, продолжил со все нарастающими нотками раздражения:

– Нет, субординация субординацией, а я скажу, что думаю, потом пишите на меня рапорт хоть министру! Вам что там, в главке, совсем заняться нечем? Нет, с каких это пор опера-важняки пьяными драками интересоваться стали и случайными насильственными смертями всякой шелупони по пьянке же? Чего мне там расследовать, а главное – когда и на кой черт, коли все ясно, как репа?! Был бы он хоть один, Сукалев пресловутый. Так на мне еще кража из коммерческого магазина висит, потом убийство – бытовуха «на почве неприязненных отношений» и ко всему в довесок попытка изнасилования в лифте. Плюс еще три дела такого же орлиного полета! Могу поделиться, если желаете. Всем работы хватит.

– Нет, ты, Константин, меня послушай, – спокойно, но не без металла в голосе возразил Гуров. – Мораль я тебе читать не буду. В том смысле, что шелупонь там или нет, а человек убит. Если уж на то пошло, то убит гражданин России, этого Сукалева никто ведь гражданства не лишал? Стоило бы, говоришь? А вот это уже ненужная лирика. Это не нашего ума дело. Мы с тобой присягу давали граждан России защищать, значит, и его тоже. Но суть не в том. Успокойся, не сверкай очами грозно, я не кабинетная крыса, я, каково вам, районщикам, приходится, не понаслышке знаю, тоже так начинал! Но ты ведь сам обмолвился сейчас, что сыщики моего ранга такими делами не занимаются. И контора моя – тоже. Это, знаешь ли, ценное наблюдение. Так сложи два и два! Значит, не моя эта прихоть от безделья, а нужно так. Почему нужно – этого, уж извини, не скажу. Ясненько?

– Ну, право слово, – уже совсем не раздраженно, а просто очень грустно отозвался Костя на гуровскую отповедь, – пока этот прохвост жив был, от него весь райотдел стоном стонал. Прибрал господь, ан все едино от него покоя нет. Сплошняком неприятности. Одно слово – «Львиная Самка»!

Старлей покрутил головой, явно еле удержавшись от того, чтобы не сплюнуть прямо под ноги.

– Постой, постой! – заинтересовался Гуров. – Он что же, прославлен в стенах вашего богоугодного заведения? Потом, что значит гм-м?! «львиная самка»? Погоняло, кличка? Сукалев был с криминалом связан?

– Да с каким криминалом?! – чуть не в голос возопил Костя. – Да кто б его к криминалу подпустил?! Вот что, господин полковник. У наших участковых летучка в честь праздничка полчаса как закончилась. Петро еще здесь, скорее всего. На его участке этот типус проживал. Пошли, поищем, а когда найдем, вдвоем побеседуем. А то, боюсь, вы мне не поверите. «Прославлен»... Это уж точно. Гнуснопрославлен! Равно как его маманя, не к ночи будь помянута, ведьма клятая!

Участковый Петро отыскался быстро. Сели в небольшом закутке на втором этаже райотдела, рядом с ГИБДД – там обнаружилось что-то вроде миникурилки. Не в «кабинет» же к старлею Косте идти! Там без них народу – как на помойке кошек. Старлей с участковым закурили, Гуров воздержался, привычно выругав себя за патологическую забывчивость: дежурной

пачки Camel в кармане, конечно, не оказалось, а травиться Костиной «Примой»... Бр-р-р! Затем пошла интересная, ну оч-чень познавательная беседа.

Проще всего оказалась заморочка с «львиной самкой». Как-то раз поутру, года два или три тому назад, Илья Вадимович Сукалев в очередной раз подписывал трясушимися похмельными рученьками протокол административного задержания. Классика. «В пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство... общественную нравственность... Осознал... Обязуюсь...» Ну и так далее, как в школе учили. Рученьки, однако, подвели: вместо обычной подписи вывели под протоколом загадочное «Сука-Лев», причем именно через дефис, букву «е», а не «е», и «Лев» с прописной буквы. А когда ему деликатно намекнули, что бумага официальная, потому подписаться следовало бы по-людски, а не каким-то загадочным животным псевдонимом, Сукалев впал в крутую амбицию. Послав всех присутствующих по очень дальнему пешеходно-сексуальному маршруту, он заявил, что вот это его природная подпись и есть, а глумиться над своей фамилией тупым ментам он не позволит! До министра дойдет! До Президента! До гагского трибунала! Возможность дойти до кого и чего угодно была ему немедленно предоставлена: вышибли из райотдела пинком под зад. К тому времени он успел настолько всем в этом здании остоябилеить, что более грозных репрессивных мер к нему не применяли по известному правилу, не рекомендуя трогать некую субстанцию во избежание малоприятных последствий. Но с той поры получил Илья Вадимович у нежно любящих его сотрудников райотдела устойчивую кликуху «Львиная Самка».

Семейка Сукалевых – Муза Григорьевна вкупе с Ильей Вадимовичем – была тяжким крестом, непреходящей головной болью и проклятием районщиков. Музин муж, соответственно, папа «Львиной Самки,» помер уже более двадцати лет назад, будучи еще сравнительно молодым, от двух болезней, столь, по словам Чехова, распространенных в нашем отечестве: пьянства и злой жены. Ангельским характером и голубиной кротостью Сукалева даже в те далекие годы не отличалась. Совсем молодой еще Илья, насмотревшись на семейную идиллию своих родителей, дал себе твердый, нерушимый зарок: по-серьезному с бабьем не связываться ни в коем случае. Да что ему бабы! Так, эпизоды быстротекущей жизни. А вот нежное, трепетное чувство – большую и настоящую любовь к горячительным напиткам – он от папы унаследовал... Тем более, как он не раз впоследствии говорил приятелям, имея в виду родную мамашу: «С такой стервозиной в одной квартире жить – не то что водяру или там бормотень проклятую, кошачью мочу хлебать начнешь! Лит-ра-ми...» Однако вот что интересно: такой простой, казалось бы, выход из нетерпимого положения, как размен двухкомнатной квартиры, как мамой, так и сыном яростно отметался с порога. Заметим: отнюдь не по меркантильным соображениям в смысле надежды на то, что другой помрет раньше, – эта сладкая парочка уже просто не могла жить друг без друга.

Как бы то ни было, а вот уже более десяти лет семейство Сукалевых активно давало прикурить местной милиции.

– Сейчас ведь как, – мрачно басил участковый Петро, – сейчас ведь ЛТП нету. Закрыли ЛТП – говорят, недемократично, дескать, правам человека противоречит! А уж до чего здорово-то было бы: «Самку» эту зловредную в лечебно трудовой, а маманю в психушку. А то ведь... Казнь египетская, а не семья!

Особенно плохо было то, что до недавнего времени в квартире Сукалевых был телефон. Собственно, номер-то оставался и сейчас, никуда не делся, а вот аппарата не было. С полгода до описываемых событий в ходе очередного скандала Муза Григорьевна хлопыстнула данным аппаратом сынулю по голове. Голова выдержала, а вот аппарат – нет. На покупку нового не хватало денег, посему районщики на некоторое время вздохнули с облегчением: прекратились регулярные, как восход солнца, вызовы стандартного содержания: «А-а-а! У-у-у! Он меня убивает! Уже убил! Сейчас убьет! Спасите, заберите, посадите, расстреляйте... А то я сейчас сама

его пор-р-решу-у-у». И вот такое – минимум раз в неделю. Звонок фиксируется, и попробуй плюнь, неотреагируй, не пошли группу – шкуру ведь спустят милицейскую.

Первое время, когда безобразие это только-только начиналось, – реагировали, причем круто – Сукалев даже получал пару раз по десять суток административного ареста, но потом... Как-то раз на одной из очередных профилактических бесед до предела возмущенный творящейся несправедливостью Сукалев, плюнув прямо на пол, буквально заорал благим матом, сдирая с себя рубаху и тыкая пальцем в правое плечо:

– Да посмотри ты, полюбуйся, ментяра херов, что эта стервь делает! Меня, меня спасать надо от придурковатой крысы, а не ее! Вот ухерачит она мне молоточком по темени, когда спать буду, спохватитесь, да поздно!

«Херовы ментяры» посмотрели. Н-да-а... Два вспухших, один даже с запекшейся кровью, сизо-лиловых покуса. Явно человеческих.

– Это что же... Мамаша вас так? – с испуганным недоверием поинтересовались у объекта профилактической беседы.

– Нет, бля, это я сам себя покусал, идиоты вы в погонах! Она... Вцепилась чище любого питбуля, ели оторвал. Что смотришь, как раввин на хрюшку?! Не веришь? А ты ее саму спроси! Подтвердит...

Спросили. И ведь подтвердила, причем в каких энергичных выражениях!

– Да! Погрызла! А в другой раз глотку перегрызу!

Любопытно, что излюбленным оружием для Сукалевых стал почему-то именно телефонный аппарат. Вышеописанный случай с использованием Музой Григорьевной этого мирного немудреного устройства связи в качестве ударного инструмента был далеко не первым. Илья Вадимович по мере сил от матушки не отставал, правда, лупил он в приступах ярости несчастным аппаратом, надо отдать ему должное, не по голове мамани, а все больше по предметам неодушевленным: то по стенке, то по кухонному столу... Техника, однако, не выдерживала: исправно давала дуба, после чего в райотделе на некоторое время наступало блаженное затишье.

– В те еще, советские времена, – продолжил животрепещущую тему Костя, – мухой бы впилили голубю сизокрылому статью за «тунеядку», и все путем, а сейчас его даже на сто первый километр не отправишь. Тем более грамотный, зараза! Был... В кодексах разбирался. Весь райотдел в лицо знал, вплоть до сержантов. Идешь иногда по улице, ан вдруг: «Здрассьте, Кстин Палыч!» – ба! А это «Самка» в похмельном виде, собирается червонец у меня занять. Как у хорошего, значит, знакомого. До такой, не поверите, наглости дошел, что взяли его как-то раз пэпээсники в позапрошлом году на улице, то есть буквально от стеночки отклеили, а он, проспавшись в «обезьяннике», на выходе у старшего сержанта Проценко полсотни на опохмел выклянчивать начал. Дай, дескать, а то помру прямо у тебя на глазах, или, еще хуже, наблюдаю тебе под ноги – кто убирать будет? Самое смешное, что тот дал, лишь бы от хари этой мерзопакостной избавиться!

– Ладно, Костя. Психологический портрет фрукта мне ясен. Хотя очень может случиться, что нам к этому портрету и деталям сукалевской биографии еще не раз возвращаться придется, как ни противно, – прервал Гуров излишняя старлея. – Давай-ка подробнее о вчерашней драке и убийстве. Что за драка? Откуда узнали про нее? Кто обнаружил труп? Кстати, где он сейчас? Результаты судмедэкспертизы и все прочее. Как положено.

Выяснилось, что вчера, в тринадцать сорок, в дежурку райотдела позвонил какой-то мужчина. Сообщил, что в закутке около детсада лежит то ли вусмерть пьяный, то ли потерявший сознание мужик. Затем добавил, что за полчаса до того в этом закутке дрались пять-шесть алкашей. Потом повесил трубку. Кто звонил – неизвестно, автоматический определитель номера телефона дежурки не сработал. Значит – звонил из автомата. Дежурный дал команду ближайшей к месту происшествия группе ППС. Те подъехали, не особо, впрочем, торопясь. Подъехав,

обнаружили труп. Который сразу же опознали. Еще бы! А дальше... Что дальше? Опросили народец в близлежащих торговых точках, в поликлинике – она там рядом и занимает первый этаж, так что все видно. Была драка? Точно, была. А кто дрался? Да бог их знает, бомжи какие-то, алкашня подзаборная, они все на одно лицо... Труп увезли в милицейский спецморг на Воздвиженке, там он сейчас и находится. Судмедэкспертиза? Акт заключения? Ну, если это можно так называть... Посмотрели, вскрыли даже. Вроде зашили уже, так что пусть маманя похоронами озаботится. Чего тут заключать? Избили его до смерти, вот вам вся картина. Ни огнестрельных ранений, ни ран от холодного оружия...

– Я же говорю, господин полковник, – опять-таки с легким надрывом объяснял Константин, – случай ясный, как репа. Кто-то выпил лишний глоток бормотухи. Или не отдал зажиленный червонец. Или сказанул что-то невежливое. Или... Продолжать? Вот вам и все мотивы этого, с позволения сказать, убийства. Точно так же его могли прибить и день, и два, и год, и пять лет назад. Или он сам мог кого-нибудь ненароком убить, много ли алкашу надо? Ткни чуть сильнее, он и готов, здоровья-то никакого. Ну не повезло Сукалеву на этот раз, да ведь сколь веревочке не виться! Кого мне искать прикажете? Конкретного убийцу? А он есть? Вы же механику таких пьяных разборок знаете: все быют всех. А чей там конкретно удар случайно оказался смертельным – это что, так важно? Хорошо, переберу я по одному всю местную золотую роту, дальше что? Все дружно станут отпираться, опознать их невозможно, для добропорядочного обывателя они впрямь на одно лицо. Ни-че-го ни-ко-гда не докажешь. Стопроцентный, глухой «висяк». Знаете, откровенно вам скажу, по мне – так и дьявол бы с ним!

– Что при досмотре обнаружили, что у него в карманах было? – хмуро поинтересовался Гуров, которому такая версия случившегося представлялась все более и более правдоподобной. Похоже, впрямь идиотское совпадение. Ничего более.

– Да ничего особенного. Мелочь рассыпью по карманам. Рублей на тридцать – пятьдесят. Да еще откуда-то два бакса. Ну, мало ли... Прикалымил, нашел, украл, выклянчил... Ключи от его с маманей квартиры ей же отдали, когда сообщили. Я как раз сообщал. Тоже... Картина была! Как вспомню, до сих пор противно, словно дерьма наелся. Пачка «Явы» неполная. Упаковка жвачки неполная. Растрепанная записная книжка. Читательский билет районной библиотеки, он же образованный аж до не могу был... Ручка шариковая, из самых дешевых. Половинка разорванного глянцевого буклетика СПС, они вчера митинг проводили – то ли в честь Дня Конституции, то ли какие-то довыборы очередные. Всем встречным-поперечным такие буклетики раздавали. С портретом своего кандидата. Почему разорванный и где вторая половинка? Да пес его знает. Да, еще картинка, в смысле фотография небольшая религиозного содержания. Вот уж о ком бы не подумал, что он религией интересуется, хотя Муза эта каким-то боком к церкви точно причастна. Что на фотографии, спрашиваете? Типа репродукции. Икона вроде. Я в этом не разбираюсь!

– Где фотография? – У Льва аж голос перехватило. – Здесь, у тебя? Ну-ка, мухой тащи ее сюда!

...Ошибиться было невозможно. С небольшого, полароидного формата цветного снимка на Гурова грустно и строго смотрели глаза Богородицы. Да. Та самая икона. Тверской школы. Богоматерь Одигитрия. Снято со вспышкой, с небольшим разрешением, под малым углом. Фотография явно не вчера сделана, края потерлись. Правильно, носил он ее в записной книжке, а у той формат чуть меньше.

«Нет, уважаемые, – мысленно обратился Гуров к бог весть каким оппонентам, ощущая острую радость, – рановато нас в тираж списывать! Мы еще чего-то стоим! Нет, ну как интуиция сработала, а?! Тут-то уж точно никакими совпадениями не пахнет. Теперь – в морг. Хочу я сам на покойничка посмотреть. Такой вот я извращенец. Костю этого и ребят-районщиков винить не в чем. Не владея моей информацией... Что они еще могли предположить? Посмотреть бы своими глазами на место знаменитой драки да порасспрашивать местный народец, так

ведь не разорваться. Эх, вот когда пожалеешь, что Стасика рядом нет! Ладно. Это терпит. Сейчас – в морг. Благо они тоже работают сегодня.»

...Обнаженный труп Сукалева Гуров рассматривал долго, внимательно и придирчиво. Затем попросил акт заключения медэкспертизы. Прочел дважды. Еще раз осмотрел труп. А затем повернулся лицом к топтавшемуся рядом с донельзя брезгливой физиономией старлею Косте и сказал предельно жестким тоном, которым при желании владел в совершенстве:

– Дело я у вас забираю. Им будет заниматься главное управление. Подготовьте все документы. Найдите и пришлите ко мне, в главк, весь – вы слышите? – весь состав группы пэпээсников, которые первыми оказались рядом с трупом. Причем срочно. Считайте, что это приказ. Я, знаете ли, имею право его отдать. Плевать я хотел на праздник, у нас служба, а не детсад. Теперь о трупе. Я сейчас свяжусь с нашими экспертами, в течение часа они подъедут сюда, заберут тело. Чтоб до этого момента никто к нему не прикасался. И чтобы обязательно отпечатки пальцев сняли. Да-да, у трупа. Скажите своим распустехам, чтобы проследили.

– Да что вы такое увидели, – опешил Костя. – Труп как труп... Что случилось-то? Хоть растолкуйте, господин полковник!

Гуров нехорошо улыбнулся, снова перейдя на «ты»:

– Растолковать? А ведь, пожалуй, растолкую. В качестве внеплановой лекции по повышению оперативной квалификации и профессионального мастерства. Для сбивания излишней спеси. Тебе полезно будет. Давай свою «Приму» и пошли в курилку, не дымить же при покойнике.

Они вышли из подвального помещения морга, затем поднялись на просторную лестничную площадку второго этажа, где рядом с непременным пожарным ящиком, заполненным наполовину грязным песком, а наполовину – окурками и горелыми спичками, под давно не мытым окошком с треснувшим внутренним стеклом стояли два донельзя обшарпанных канцелярских стула.

«Н-да, – грустно усмехнулся про себя Лев, брезгливо усаживаясь на один из них и прикуривая протянутую ему старлеем сигарету, – антуражик, однако... Чистота, уют. Когда же мы хоть элементарно, по-человечески такие вот мелочи обустройства научимся? Какой-нибудь француз, голландец или там японец от подобной обстановочки с икебаной точно рехнулся бы. Да ведь в дежурках – что в дежурках! – в кабинетах порой немногим лучше. А ведь это стиль жизни. И работы тоже. Чему лучший пример – история с расследованием этого убийства. А не окажись я – случайно! – в нужное время в нужном месте? Не зайти я к Сукалевой? Дело бы ушло в архив как безнадежный «висяк», труп по-быстрому схоронили бы – и концы в воду!»

Он неодобрительно посмотрел на порядком приунывшего Константина, затем не выдержал, все же слегка улыбнулся ему – грех совсем парня запрессовывать, молод еще, неопытен – и начал «разбор полетов»:

– Более всего напортачили местные медики, эксперты, прости, господа. Поглядеть бы им в глаза, да где уж... Празднуют! Кстати, рапорт об их халатности я, будь уверен, напишу. Но ты тоже, друг мой Костя, хорош. Дело поручено тебе, – Гуров голосом словно бы жирно подчеркнул эту фразу, особенно последнее слово, – так изволь озаботиться, чтоб не портачили. В чем ошибки, спрашиваешь? В том, что заключение медэкспертизы – натуральная филькина грамота, единственное, на что оно годится, так это свернуть данную бумагу в несколько раз и засунуть тому, кто ее составлял да подписывал, в... – Лев выразительно посмотрел на собеседника. – ...понятно, куда. Однако только дело сделали – вскрыли. Жаль, что заштопать успели, теперь нашим распарывать придется. Плюс наружный осмотр. И все! Где анализ крови на содержание алкоголя? С какого перепуга ты так уверен, что он был пьян? Что, всегда был пьян, да? А если на этот раз трезвехонек? Про более серьезные вещи – вроде наркоты – даже не говорю. Ладно, это и у нас не всегда делают, хотя если бы ты, голуба, захотел, то сделали бы как

миленькие. Но где анализ содержимого желудка и кишечника? Мочевому пузыря? Что, если день предпраздничный, то все должностные инструкции побоку?

– Да на кой леший это нужно? – растерянно, но в то же время обиженно спросил Костя.

– Порядок такой, понимаешь. По-ря-док! Служебные должностные инструкции сочиняют отнюдь не идиоты. Если бы эти анализы были своевременно, да к тому же грамотно сделаны, мы бы с точностью до часа знали время смерти Сукалева, а теперь?!

– Ведь мы и так знаем. – Ничего не понимающий Костя буквально вылутился на занудливого полковника. – Мужик позвонил в тринадцать сорок, я ж говорил! А драка... За полчаса где-то до того.

– Ну а если... – Гуров говорил подчеркнуто спокойно, четко выделяя голосом каждое слово, как гвозди вколачивая. – Если его убили не в драке?

– Т-то есть?!

– Кто видел, что он в драке участвовал? Некий позвонивший «мужик»? Так где он, мужик этот? Еще раз: где свидетели того, что Сукалев дрался, что его били? Где хоть один участник драки? Нет, милый мой. У тебя пока только один бесспорный факт: труп Сукалева найден там, где была какая-то драка. Бог весть кого бог весть с кем. А вовсе не факт участия Сукалева в этой драке. Две большие разницы, как в Одессе говорят! Далее. Мы не знаем точно, когда он умер. Но мы не знаем и отчего.

– Написано же: «множественные побои»...

Гуров страдальчески поморщился:

– За такие «диагнозы» именно их и надо наносить. Экспертам. Розгами по заднице. Если он пролежал там без сознания, но вполне живой с полчаса при минус пяти на ветру, да в полузамерзшем ледяном крошewe... Почему не от переохлаждения? Представь,ловишь ты автора этих... – Гуров снова поморщился, как от кислого, – «множественных побоев»... Как формулировать обвинительное заключение? Убийство, как ты считаешь, по неосторожности? Самый дохленький адвокатишка в суде заявит, что были максимум тяжкие телесные повреждения, а Сукалев попросту замерз. Это, знаешь ли, совсем другая статья УК. Хоть в данном вопросе могу тебя успокоить – он не замерз. Его именно убили.

– Так раз вы говорите... Почему вы так решили? – На Костю было просто жалко смотреть. Он уже решительно перестал понимать что-либо.

– Как раз к этому мы переходим. Ни эксперты, ни, что совсем плохо, ты, милейший, не обратили внимания на характер и особенности ваших... «множественных». Я вот обратил. Потому как приучен – мелочей в нашей работе не бывает! Не такие они, кстати, множественные, а всего-то четыре удара. Это даже при поверхностном наружном осмотре видно. Причем два из четырех – в правое подглазье и правую же скулу – чисто маскировочные, от таких не то что не умирают, а с ног-то не валятся. Скорее всего, их наносили уже покойнику – кровоподтеки значительно бледнее, чем от двух других, а должно бы быть наоборот: это открытые части тела, одеждой они не защищены, вдобавок – лицо. Зато два других... Эти медицинские халявщики заметили-таки, что у трупа сломаны три нижних правых ложных ребра, даже отразили это в своей писульке. А вот что сломаны они ударом снаружи, поэтому внешние концы пошли в брюшную полость – не заметили. А это очень важно! Такой удар можно нанести только левой рукой, если целить в печень. Встань-ка, я тебе покажу. Понял? Причем удар должен быть не просто страшной силы, а отлично, профессионально, я бы сказал, поставлен. Печень, про которую в заключении ни слова, в таком случае просто лопается. Тем более у сильно пьющего человека. Мучительная, правда, быстрая смерть.

– А ч-четвертый? – Старлей внимал гуровской лекции, открыв рот.

– Характер четвертого удара окончательно все проясняет. Он нанесен опять же в правую нижнюю часть грудины, при этом снова левой рукой. Не кулаком: это видно по узкому и яркому кровоподтеку. Костяшками пальцев. Профессионально, высококлассно и с невероят-

ной силой: я пощупал – ведь грудь треснула! О чем у портачей в белых халатах снова ни словечка. Это – рефлекторная остановка дыхания и сердечной деятельности. Какой из двух смертельных ударов убивающий, главный, а какой – контрольный, это не важно. Били подряд, один удар за другим. А затем уж физиономию труп разукрасили. Для таких, как ты, извини, лопухов. В любом случае картинка совершенно не вяжется с последствиями пьяной драки.

– Ну-у, – вяло, хватаясь за последнюю соломинку, протянул старлей Костя, – может, каратист отмороженный какой или спившийся спецназовец бывший, а-а?..

– Б-бе!.. – не без злости передразнил его Гуров. – Сукалева били, убивали точнее, в помещении. Доказательств хочешь? Их есть у меня... Почему все удары шли слева, в правую часть тела? Да потому, что наносили их в ограниченном пространстве, в тесноте. Может быть, в машине. В лифте. В углу небольшой комнатухи. Помолчи, догадываюсь я относительно твоего возражения – левша, да? Кстати, весьма вероятно, но в драке обычно бьют с двух рук! Кроме того, сейчас не лето. Не понимаешь? Как Сукалев был одет, по сезону?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.